

Виченцио <и> Цецилия 1

<Фрагменты незавершенной повести>

Ц Новые безделки. Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. с. 198-210. Публикация М. А. Турьян.

Ц "Im Werden Verlag". Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2005

<http://www.imwerden.de>

Удивительно! Как я понимал каждый шаг
свой и зашел так далеко! Как ясно видел
свое положение и действовал, как
ребенок! И теперь еще ясно вижу, а нет
и малейшей надежды исправиться.

(Гете в "Вер<тере>") 2

У окна келий в монастыре св. Бернарда сидел пустынный, погруженный в глубокую задумчивость. Без внимания глаза его были устремлены на печальные снега Альпов, его окружавшие -- там было все однообразно, неподвижно, лишь изредка в нагих горах восставал ветер, шевелил мертвую лавину, медленно низвергалась она в бездонную пропасть, раздавался гул колокола, тронутого невидимой рукою, и снова наставала тишина могилы. Виченцио был уже не на заре лет, уже он давно достигнул того возраста, когда уравниваются все силы человека для бытия, яснее, рождается та деятельность души, которая стремится к подвигам высоким, -- и наступает та торжественная минута, когда таинственная мысль предвечной жизни, присутствовавшая при рождении человека, является во всем блеске своего развития, минута -- после которой постепенно вянут силы и их ослабление говорит о дне, когда человек делается уже бесполезным орудием в руках вседвижущего Бытия. Виченцио чувствовал, что годы, им проведенные, должен был назвать жизнью и еще спрашивал себя: что такое жизнь? Мысленно пробегал он свое земное странствование: в юности любовь к поэзии и живописи, возвышенные помыслы любознательности волновали и покоили его душу, в сладких сновидениях представляли ему будущее и поселили в нем гордость самосведения. Он постигнул ту силу, которая вырывает у Природы сокровеннейшие из ее таинств, волшебное сродство мысли с выражением было ему легко и понятно, и полотно оживало под его рукою, гармония чувства переливалась в звуки, и глубокие умозаключения предупреждали открытия человечества. Но люди не поняли его, и он не понял людей, они были к нему не равнодушны, но язык его был для них иероглифом, над которым смеялись дети и который презирали старцы. Он любил людей, с младенческим доверием бросался в их объятия -- и отступал с ужасом, видя бездну, его от них отделяющую. И могущественное сомнение заковывало деятельность души его, как узкий сосуд сжимает ветвистые корни огромного дерева; оно сделалось для него докучливою болезнью. Смотря на изящное произведение, он начал спрашивать, не безобразие ли это? Прислушиваясь к гармонии звуков -- не шум ли нестройный? Погружаясь в смелые помыслы -- не мечта ли больного воображения? Погас факел, освещавший путь его жизни, его окружили немые образы, под коими он тщетно хо распознать то, что прежде называл красотою и безобразием, добродетелью и пороком! Уже он не знал, продолжать ли ему путь свой, совратиться ли с него, избрать ли дорогу других людей -- в ужасе он смешал себя с ними и в сей толпе не узнавал виновного своего злополучия -- он не мог ни молиться, ни проклинать людей.

Беззаботная жизнь инок, слепая покорность чужой воле, вспомоществование бессильному человечеству, непрерывная жертва духовного бытия -- вещественные потребности показались ему единым прибежищем. Однообразные снега Альпов соглашались с его померкшим воображением -- произвольное движение хладных лавин отвечало мертвым бурям, вздымавшимся в пустыне его сердца. И подобно страннику, занесенному снеговому сугробом, он с сладострастием отчаяния следил, как мало-помалу свинцовым сном засыпала душа его.